

15. Тертычный А.А. Аналитическая журналистика: учеб. пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2010. 352 с.
16. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000. 413 с.
17. Даутова Р.В. Н.С. Хрушев и зарубежная журналистика // Вестн. Удмурт. ун-та. Сер. «История и филология». 2011. Вып. 1. С. 116–123.
18. Плотникова О.А. Стратегии контроля диалогического взаимодействия в интервью: дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2007. 180 с.
19. Голанова Е.И. Устный публичный диалог: жанр интервью / Е.И. Голанова // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). 2-е изд. М.: «Языки русской культуры», 2000. С. 427–452.
20. Стрельникова М.А. Национальные особенности речевого жанра телеинтервью в российской и американской коммуникативных культурах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2005. 18 с.
21. Чудинов А.П. Современная политическая коммуникация: учеб. пособие. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2009. 292 с.
22. Егорова Е.В. Жанровая характеристика диалоговой политической коммуникации (на примере немецкого языка) // XIX Международная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». М.: МАКС Пресс, 2012. 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM).
23. Кошкарлова Н.Н. Конфликтный и кооперативный типы русскоязычного дискурса в межкультурном политическом пространстве: дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2015.

С. И. Куранова (Украина, Киев)

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ЖАНРОВ ДИСКУРСА

Статья посвящена проблеме жанровых и регистровых параметров исследования дискурса. Рассматриваются основные направления в новейшей истории лингвистической генологии, концепции исследования контекста в дискурс-анализе, понятия «жанр», «регистр», «контекст».

Ключевые слова: *дискурс, дискурс-анализ, речевой жанр, регистр, контекст, речевое событие, интертекстуальность.*

Вопросы определения жанровых характеристик дискурса являются актуальными и в определённой степени дискуссионными. В современной лингвистике существуют различные взгляды относительно понятий «дискурс», «жанр», «регистр», «контекст», а также относительно использования при анализе перечня соответствующих структурных элементов (например, речевой акт, речевой шаг, речевое событие и т. д.). В формально-грамматическом, смысловом, содержательном планах наиболее структурированным является публичный дискурс, а одним из перспективных направлений его исследования – проблема функционирования в нем языковой личности. В частности, в таком аспекте изучается перечень жанров, используемых языковой личностью, и определяются их структурно-смысловые и семантические характеристики.

Целью статьи является описание новейших направлений жанрового и регистрового анализа применительно к языковой личности, а именно к сфере ее функционирования в публичном дискурсе. Таким образом, объектом исследования становится языковая личность, а жанры и регистры – выбором способа реализации ее в публичном дискурсе, т.е. маркерами личности. В этом аспекте и рассматриваются различные подходы относительно жанрового, регистрового, контекстуального анализа дискурса.

В публичном дискурсе языковая личность использует определённый набор жанров. Диапазон жанров зависит от сознательной деятельности субъекта коммуникации: профессией, идеологическими, политическими установками, убеждениями, уровнем образования и т. д. И все же наличие/отсутствие соответствующих жанров, их количество индивидуальны. Даже в институциональном публичном дискурсе наблюдаются значительные отличия как в самом перечне жанров, так и в способах их функционирования. Например, политики, государственные деятели могут иметь страницы в социальных сетях, но по-разному их «вести», участвовать в публичных дебатах, произносить речи, которые в значительной степени согласуются с индивидуальными характеристиками ораторов.

Предлагая обзор научных идей и подходов, актуальных в сегодняшнем контексте, мы остановимся и на некоторых примерах жанровой репрезентации политических субъектов в публичном контексте (в частности в общении в интернет-сети), которые используются для демонстрации того, как жанр влияет на характер репрезентации языковой личности и на актуализацию отношения этой личности к аудитории.

Теория речевых жанров в концепции М. Бахтина и современных исследованиях. Само понятие «жанр» традиционно широко используется в *литературоведческих* исследованиях для классификации определенных видов литературных произведений, например, стихов, рассказов, романов, драм; каждый из таких жанров можно классифицировать далее по разным параметрам (например, детективные романы, поэмы, лирика, баллады и т. д.) [17, с. 236].

В *лингвистических* исследованиях дискурса применяется жанровая и регистровая теория, в которой трактовка понятия «жанр» отличается от традиционного литературоведческого понимания и основывается на определении и классификации М. Бахтина. При таком подходе понятие «речевой жанр» непосредственно связано с понятием «высказывание». Высказывание, согласно концепции М. Бахтина, является реальной единицей речевого общения, четко отграниченной сменой субъектов речи. Речь существует только в форме конкретных высказываний говорящих (субъектов речи). Реплики в бытовом диалоге, художественном, научном общении являются высказываниями. Виды высказываний определяются деятельностью субъектов речи, внешним контекстом, поэтому их перечень бесконечен, как и сами ситуации речевого общения.

Каждое высказывание является частью сложно организованной цепочки других высказываний. Речь реализуется в форме соответствующих устных или письменных высказываний, которые через *тематическое* наполнение, *стиль* и *композиционное* строение отражают специфические условия и цель деятельности [1, с. 238].

Хотя высказывания отличаются объемом, композиционным построением, они как единицы речевого общения имеют общие структурные особенности и четкие *границы*. Границы каждого конкретного высказывания как единицы речевого общения определены сменой субъектов речи. От наибольшего до наименьшего, каждое высказывание имеет абсолютное начало и абсолютный конец. Каждое высказывание является индивидуальным, но в разных сферах реализации речевой деятельности повторяются соответствующие ей относительно устойчивые типы таких высказываний, которые М. Бахтин называл речевыми жанрами. Каждая сфера реализации речевой деятельности имеет собственный репертуар речевых жанров [1, с. 239]. Возможности разнообразной человеческой деятельности являются бесконечными, поэтому речевые жанры бесконечны и разнообразны.

В современных лингвистических исследованиях речевые жанры определяют как организованные по полевому принципу, открытые, динамические, исторически изменчивые структуры [2, с. 59]. Жанры рассматривают также как «типизированные риторические действия, основанные на повторяющихся ситуациях» [19, с. 159]. Таким образом, ключевым здесь является понимание жанров как типичных, хотя и изменчивых, диалогических интеракций, управляемых определенными социально участниками, которые обращаются друг к другу в тех или иных риторических ситуациях. Характеризуют жанры и как «способ и знак речевого поведения, открытый разным трактовкам» [11, с. 117]. При этом, как отмечает И.Ф. Ухванова-Шмыгова, «жанр открыт разного рода внутренним (формальным) трансформациям, а вместе — национальной колористике». Также понятие «жанр» определяется как «дискурсивные структуры», «дискурсивные формы», «формы действия», «риторические формы», «стабилизированные площадки социальных и идеологических действий» [12, с. 9], «класс коммуникативных событий, участники которых исполняют одинаковый набор коммуникативных заданий» [20, с. 762]. Определение жанров как «площадок» предполагает, что личность конструирует в них себя и идеологический «субъект-в-мире» [12, с. 9]. В то же время как регулярное значимое действие жанр также воплощает определённые аспекты культурологического значения [19, с. 165]. Р. Коллин утверждает, что жанры могут быть исследованы в разных аспектах: как структуры, как площадки действий, как обычаи [14, с. 84]. По мнению Ф. Бацевича, существует несколько подходов относительно разграничения, организации и функционирования речевых жанров: культурологический, концептуальный, лингвистический.

В соответствии с культурологическим подходом речевые жанры можно считать разными способами употребления языка с целью исполнения разного рода культурно обусловленных заданий [17, с. 159; 2, с. 45]. Концептуальный подход предполагает разработку понятия «концептуальный стандарт жанров» [2, с. 48; 7]. Это инвариантный концепт или инвариантная концептуальная система, с которой начинается любой конкретный текст этого жанра. С точки зрения лингвистического подхода жанры возможно изучать как явление стилистическое, как тип высказывания, как текстовое явление, как коммуникативное явление [2, с. 49–53; 3; 4].

С точки зрения Р. Коллина, для жанровой теории ключевыми являются следующие позиции [14, с. 85]:

1. Коммуниканты используют жанры в соответствии со знаниями, разделяемыми их группой.

2. Значения в жанре, как правило, соотносятся с теми значениями, которые уже использовались в подобных речевых действиях.

3. В социальном аспекте жанры всегда являются идеологическими.

4. Жанры как структуры показывают коммуникантам пути возможных действий в данных ситуациях с помощью социально-риторических конвенций.

5. С помощью социальной практики коммуникантов жанры и мотивы регулярно воспроизводятся, циркулируют через модели знаний соответствующей социальной группы.

6. Жанры как обычаи обозначают социальные действия и концептуальные сферы, в которых коммуниканты их используют.

7. Жанры дают возможность коммуникантам соотносить свои высказывания с высказываниями других коммуникантов.

8. Центральным для каждой из названных позиций является понимание жанра как социальной практики и, следовательно, жанры могут быть заимствованы, адаптированы или, возможно, отрицаться коммуникантами.

Отдельную проблему представляют отличия в подходах к классификации речевых жанров. В частности, до настоящего времени остается актуальной мысль М. Бахтина о том, что не существует полной и непротиворечивой классификации речевых жанров. Сам он выделял первичные (простые) и вторичные (сложные), устные и письменные, а также стандартизированные и «свободные», «творческие».

Первичные речевые жанры непосредственно связаны с повседневным общением, это так называемые «жизненные жанры». В частности, к таким жанрам М. Бахтин относил приветствие, прощание, вопросы о состоянии дел, разнообразные пожелания, вопросы о здоровье и т.д. Говорящий выбирает жанры в соответствии с ситуацией общения; они являются достаточно стандартизованными, индивидуальность говорящего проявляется в самом их выборе и выборе соответствующей интонации. Вторичные (сложные) речевые жанры – это романы, драмы, научные исследования,

публицистические жанры и т.д. Следует отметить, что М. Бахтин использует широкий подход к пониманию жанра как реального человеческого общения, поэтому жанры художественной литературы рассматриваются в ряду речевых жанров, а ряд этот определяется в границах от бытовой реплики до многотомного романа. Это связано с тем, что М. Бахтин придавал категории жанра исключительное значение в истории литературы и культуры. Он называл категорию жанра носителем «наиболее устойчивых, «вековечных» тенденций развития литературы, «представителем творческой памяти в процессе литературного развития» [1, с. 399]. Вторичные речевые жанры возникают в условиях более сложного и относительно высокоразвитого культурного общения – художественного, научного, общественно-политического и др. В процессе формирования они поглощают и переделывают разные первичные (простые) речевые жанры, которые возникли в условиях непосредственного речевого общения. Первичные речевые жанры, которые входят в состав сложных, трансформируются в них и приобретают собственные характеристики: утрачивают непосредственную связь с реальной действительностью и реальными чужими высказываниями. Например, реплики бытового диалога и письма в романе, сохраняя собственную форму и бытовое содержание только в плоскости романа, входят в реальную действительность только через роман, то есть как событие литературно-художественной, а не бытовой жизни. Роман, так же, как и реплики бытового диалога или как частное письмо, является высказыванием, но это вторичное (сложное) высказывание. Вторичные жанры М. Бахтин называл *идеологическими*.

Также различаются стандартизированные жанры (например, военные команды) и «свободные», «творческие» (например, салонные беседы, дружеские беседы, семейные беседы). «Свободные» жанры в значительной степени зависят и от степени знакомства коммуникантов. В концепции М. Бахтина были даны также общие подходы относительно типологии речевых жанров на основе формально-композиционного построения и принципа обязательности для коммуникантов. В частности, выделяются строго официальные формы жанров вместе с фамильярными формами.

М. Бахтин отмечал, что для лингвистики большое значение имеет исследование природы высказываний и разнообразных жанровых форм высказываний в разных сферах человеческой деятельности. Важным аспектом является также соотношение речевых жанров и стилистики. Любой стиль непосредственно связан с высказываниями и типичными формами высказываний, то есть речевыми жанрами. Любое высказывание (устное или письменное, первичное или вторичное) в любой сфере речевого общения является индивидуальным, поэтому может отражать личность говорящего, то есть иметь *индивидуальный стиль*. Однако не все жанры одинаково полно отображают индивидуальный стиль говорящего. Наиболее продуктивными для исследования являются жанры художественной литерату-

ры, наименее – те, которые требуют использования стандартной формы (деловые документы, военные команды и т.д.). Во многих случаях проявление индивидуального стиля в речевых жанрах (кроме литературно-художественных) не являются частью замысла высказывания, а является *эпифеноменом* высказывания, его дополнительным продуктом [1, с. 241].

В целом речевые, или функциональные, стили являются жанровыми стилями определенных форм человеческой деятельности, общения. В каждой сфере существуют и используются собственные жанры, которые соответствуют специфическим условиям этой сферы; этим жанрам соответствуют определенные стили.

Определенная функция (научная, техническая, публицистическая, деловая) и специфические для каждой сферы условия речевого общения порождают соответствующие жанры. Стиль непосредственно связан с определенными тематическими и композиционными единствами, то есть с типами построения целого, его завершения, отношения говорящего к другим участникам речевого общения (слушателей, читателей, чужой речи и т.д.) [1, с. 242]. Стиль является элементом жанрового единства высказывания. В каждую эпоху развития литературного языка на передний план выступают соответствующие речевые жанры, не только вторичные, но и первичные, например, типы бытового диалога – салонного, фамильярного, семейно-бытового и т.д. Любое расширение литературного языка за счет разных нелитературных слоев народного языка закономерно связано с тем, что во все жанры литературного языка попадают более-менее новые жанровые приемы построения речевого целого, его завершения, учета интересов слушающего. Результатом может стать обновление и изменение речевых жанров.

Жанровая и регистровая теория в лингвистических исследованиях дискурса. Жанры отличаются друг от друга *типами транзакций* (например, общение покупателя с продавцом, рабочее совещание и т.д.), социальным назначением, культурологическими параметрами. Основной целью применения жанровой и регистровой теории в лингвистических исследованиях является определение соответствующих различий исследуемых текстов и поэтапное выделение структур, которые помогают расшифровывать тексты. Жанровая и регистровая теория предполагает, что тексты, выполняющие разные культурологические задания, раскрываются по-разному, поэтапно и пошагово. Отношения между текстом и контекстом определяются как возможные, но не нормированные: например, использование определенного жанра в соответствующем культурологическом измерении представляется более приемлемым, так же, как и сам способ разворачивания соответствующего текста; в то же время может существовать альтернативный способ отражения отношений между текстом и контекстом.

Достаточно новым подходом является *применение жанровой и регистровой теории в лингвистических исследованиях дискурса*. В частности, такой подход позволяет найти теоретическое обоснование при определении общих и отличительных черт исследуемых текстов, исследовать связи текстовых значений с контекстуальными измерениями [17, с. 230]. Методики генологического анализа развивались, в частности, в рамках «британского контекстуализма», американского направления дискурс-анализа, который называют «этнографией коммуникации», исследованиях структур разговорной речи и производных структур дискурса, начиная от наименьшей (акта), до больших (ходы, обмена) и наибольшей (речевого события) [17, с. 239].

Вместе с понятием «жанр» употребляют также понятие «регистр». Утверждение, что использование разных языковых средств зависит от ситуации, является аксиоматическим. Контекстуальные факторы влияют на выбор соответствующих языковых средств, значений и их оттенков – говорящий каждый раз выбирает наиболее приемлемый вариант высказываний. Контекст делает невозможным использование определенных высказываний или может «менять» значение (так же, как существуют требования этикета, более или менее приемлемые формы поведения в той или иной ситуации и т.д.). Определенные параметры социального контекста, например, расположение коммуникантов в пространстве, наличие общих базовых знаний, одинаковое отношение к сообщению, влияет на выбор соответствующих высказываний. В частности, существуют более приемлемые формы для начала лекции, интервью, публичного выступления. Понятие «регистр» касается влияния контекстуальных параметров на выбор соответствующих языковых средств.

Существует несколько теорий относительно соотношения языка и контекста: этнографические (относительно «слабые») и «социально-семиотические» (относительно «сильные») [17, с. 234]. Сторонники этнографического подхода считают, что количество контекстуальных параметров, которые определяют выбор тех или иных языковых средств, является практически бесконечным; с точки зрения сторонников социально-семиотического подхода, наоборот, существует ограниченное количество таких параметров, и их можно и необходимо соответствующим образом структурировать.

В современном дискурс-анализе прослеживаются по меньшей мере два подхода к исследованию контекста: социально-семиотический и социокогнитивный:

1. В рамках *социально-семиотического* применяется [17] понятийный аппарат жанровой и регистровой теории.
2. В рамках *социокогнитивного* – ментальные (концептуальные) модели, которые функционируют в эпизодической памяти [16].

С позиции исследователя (то есть относительно общей направленности анализа) первый подход является преимущественно тексто- и адресатоцентричным, ориентированным на процессы *декодирования*. Второй – адресанто-(авторо-)центричным, ориентированным на *кодирование*, речемыслительный процесс создания соответствующих текстов и отражение в них ментальных структур участников коммуникации. В то же время оба подхода учитывают, что коммуникация является многосторонним процессом, предполагающим многоаспектное взаимодействие адресанта и адресата.

Социально-семиотический подход рассматривается как двухэтапный: первый шаг – это описание соответствующих языковых структур исследуемых жанров, второй – объяснение отличий в использовании этих структур [17, с. 231–232; 20, с. 767, с. 772]. На первом этапе определяют, в частности, уровень формализации текстов (например, использование синтаксически усложненных предложений, экспрессивно окрашенной лексики, употребление/неупотребление форм, которые указывают на лицо и т.д.), меру проявления авторской оценки, отношения, то есть способов авторизации (например, прилагательных или наречий со значением усиления или уменьшения, оценочного отношения и т.д.). На втором этапе объясняют те лингвистические отличия, которые были выявлены на первом этапе (например, влияние академического или социального контекста).

Выбор и использование автором соответствующих слов или лексико-грамматических конструкций отображает определенные черты контекста. Детальный анализ позволяет определить, какое измерение социального контекста влияет на языковые средства исследуемого текста. Например, если автор создает официальный деловой документ, то не использует персональную референцию. Такое измерение контекста называют способом (англ. *mode*), поскольку речь идет именно о выборе соответствующего пути создания определенного текста. Вторая группа контекстуальных факторов – это соответствующие роли авторов текстов (например, просветитель, критик, комментатор, аналитик и т.д.). В первую очередь речь идет о влиянии соответствующих социальных ролей на выбор определенных способов оформления текстов: просветитель, например, должен избегать оценочных суждений, демонстрации собственного отношения, спортивный комментатор может добавлять эмоционально окрашенную лексику. Эта группа контекстуальных факторов называется общим значением, направлением ситуации (англ. *tenor*).

Исследование регистра предполагает исследование системных связей между организацией языка и контекста. Такой подход в целом является системно-функциональным и может быть представлен моделью, в которой каждой структурной части контекста соответствуют структурные элементы значения, дискурсивно-семантических схем (когезия) и лексико-грамматических схем. Контекст организовывается такими составляющими, как разновидности социальных действий (*field*), конфигурация социальных

ролей (tenor), специфика канала коммуникации (mode). Значение в этой модели представлено как опытное, межличностное и текстовое. Дискурсивно-семантические схемы включают средства лексической когезии, средства связи, языковые функции, структуру транзакций, референцию. Лексико-грамматические схемы организуются переходностью, логико-семантическими связями, видом, модальностью, отношением, темой, информационной структурой, номинализацией. Таким образом, социальным действиям соответствуют значение, связанное с опытом, средства лексической когезии, средства связи, переходность, логико-семантические отношения (таксис). Конфигурация социальных ролей согласовывается с межличностным значением, речевыми функциями, структурой транзакций, видом, модальностью, отношением. Специфика канала коммуникации соответствует текстовому значению, референции, теме, информационной структуре, номинализации.

Социокогнитивный подход предполагает анализ контекстов как ментальных конструкторов. В этом смысле контексты понимают как субъективное определение событий или ситуаций, но в этом случае речь идет не о том, как мы рассказываем о ситуации, а о самой ситуации, в которую мы вовлечены (например, во время разговора или создания текста). Таким образом, с точки зрения социокогнитивного подхода, контексты – это содержащиеся в эпизодической памяти *ментальные модели* участников коммуникативной ситуации. Такие модели характеризуют также как субъективные интерпретации участников коммуникативной ситуации, конструкция или определения этих аспектов социального окружения [20, с. 767, с. 773]. Их могут вспоминать при рассказе о событиях, так же, как и другой опыт; они являются субъективно организованными схемами, которые позволяют носителям языка быстро понять огромное количество возможных коммуникативных ситуаций повседневной жизни. Такие модели обеспечивают релевантность и ситуационное соответствие дискурса. В соответствии с широким междисциплинарным подходом Т. ван Дейка анализ дискурса объединяет детальное исследование структур текста и разговора с учетом социальных и когнитивных контекстов [16, с. 161]. Такому подходу в целом соответствует определение дискурса как коммуникативной ситуации, которая включает сознание коммуникантов и текст, который создается в процессе общения [5, с. 18]. То есть дискурс состоит из дискретных единиц – речевых актов. В дискурсе отображаются фрагменты действительности, а именно внешняя относительно дискурса ситуация, которая является содержательным компонентом, темой общения, и коммуникативная среда – конситуация, которая создает предметное окружение коммуникантов во времени и пространстве в процессе речевого взаимодействия. Такое понимание дискурса дополняет определение его как центральной интегративной речевого общения субстанциональным компонентом, то есть определяет сущность объектов внешнего мира, которые принимают

участие в межличностном общении. Такой подход предполагает исследование соответствующих знаний, идеологических и других установок, верований, которые разделяет общество, и является основным при изучении особенностей и функций определенного дискурса.

С точки зрения Т. ван Дейка, наиболее плодотворным подходом к анализу контекстных параметров является социокогнитивный [16, с. 163]. Контекст, в соответствии с таким подходом, не является объективным или императивным ограничением, которое общество или культура налагают на дискурс. Контекст – это субъективная интерпретация участников коммуникации, структура, которая отображает определенные аспекты социального окружения, или выбирает соответствующие ситуации компоненты этого окружения. Таким образом, это соответствующие мыслительные структуры, которые часто могут оставаться только ментальными (невыраженными вербально), но в любом случае могут влиять на дискурс.

В соответствии с социокогнитивным подходом контекст является ментальным конструктом, который функционирует на стыке между ситуативными, социальными и дискурсивными измерениями. Эти измерения субъективно представляют соответствующие аспекты ситуации, общества и отображаются, взаимодействуют в мыслительных процессах создания, восприятия, понимания определенного дискурса. Исследование дискурса невозможно без анализа ментальных процессов, так же, как изучение чисто когнитивных аспектов дискурса – без реальных языковых персоналий, участников коммуникативных ситуаций, членов групп, которые взаимодействуют в процессе коммуникации и соответствующей социальной ситуации. Знания являются решающими для создания и понимания текста и разговора. Большинство таких знаний является имплицитными, они только изредка эксплицитно представлены в дискурсе, в основном косвенно влияя на создание и понимание дискурса.

Контексты являются ментальными конструктами соответствующих аспектов социальных ситуаций, они оказывают влияние на то, что и как говорят люди. Выбор соответствующей лексики, синтаксических конструкций и других параметров стиля обуславливаются контекстом. Контекст как конструкт участников коммуникативной ситуации более открыто влияет на интеракции и их структуру (перебывание, согласие или несогласие, вопросы, насмешки и т.д.). Например, в публичном политическом дискурсе коммуниканты могут квалифицировать оппонентов и как представителей определенной политической партии, и как членов парламента, и как часть власти или оппозиции, акцентируя внимание на том аспекте, который важен в конкретный момент и соответствует текущим заданиям коммуникативной ситуации. Таких целей можно достичь, используя те или иные элементы интеракции (например, перебывание оппонента, вопросы и т.д.) не только эксплицитно, в соответствии с правилами построения дискурса, но также имплицитно, для достижения личностной цели коммуни-

канта (например, утверждения политического лидерства, подтверждения собственной социальной позиции, предоставления дополнительной информации и т.д.).

Участники коммуникативной ситуации обладают большим количеством знаний относительно той или иной ситуации. Такие знания являются пресуппозитивными, они могут быть выявлены случайно и косвенно, поэтому должны быть частью контекста, который разделяют участники ситуации. Определенные высказывания могут содержать пресуппозиции, которые активируют релевантные им конструкты других участников коммуникативной ситуации. Такие контекстно ориентированные инференции являются импликатурами (в случае политического дискурса – политическими импликатурами) [16, с. 168].

Ментальные модели являются субъективными репрезентациями событий или ситуаций, то есть представлениями, про что дискурс. Понимания текста или разговора включает не только конструирование ментальных репрезентаций их (интенционального) значения, но также ментальные репрезентации их (экстенционального) референта, которым участники коммуникативной ситуации его субъективно обозначают, создавая соответствующую ментальную модель. Эта когнитивная теория понимания дискурса соотносится с формальной моделью, которая используется в экстенциональной семантике большинства языков.

В процессе создания дискурса ментальные модели являются отправной точкой: мы знаем нечто новое о событии или ситуации, или обладаем относительно нее определенными знаниями или эмоциями. В результате такие репрезентации становятся базисом для рассказа, новостного репортажа, письма и т.п. В процессе восприятия дискурса ментальные модели становятся целью понимания: мы понимаем дискурс тогда, когда можем конструировать соответствующие ментальные модели для него.

Ментальные модели имеют определенные культурой переменные схематические структуры, хотя некоторые их признаки являются слишком общими, а иногда универсальными. Ментальные модели используют схематические формы некоторых базовых категорий, которые могут использоваться для понимания реальных ситуаций жизни. Это, в частности, такие категории, как окружение (время, место), участники и их роли, текущие события, действия и т. д. Такие категории можно найти в семантической структуре предложений (грамматике падежей или функциональной грамматике) также, как и в структуре рассказа, то есть они есть среди многих других способов выражения ментальных моделей в дискурсе. Они отражают не только субъективные ментальные модели опыта, но также и конструктивные элементы контекста, в котором происходит интеракция. Универсальным для контекстных моделей является компонент знания. Вышеназванные аргументы позволяют некоторым исследователям говорить

также о прототипических контекстах, которые реализуются во фреймах жанрового анализа [20, с. 773].

Т. ван Дейк выделяет четыре основные характеристики контекстных моделей [16, с. 170 – 171]:

1. Они частично конструируются с начала коммуникативного события.
2. Эти модели являются динамичными, способными приспособиваться и изменяться в соответствии с обстоятельствами, интерпретациями, предыдущими действиями участников.
3. Они являются стратегическими, но не совершенными или завершенными.
4. Они испытывают собственное влияние на всех стадиях и уровнях создания и восприятия дискурса, начиная от выбора глобальной темы и до уровня актуализации разговора через звуковое или графическое оформление.

Если принципы исследования жанровых параметров дискурса, несмотря на некоторые отличия в подходах, являются более определенными, то принципы изучения регистровых и контекстных факторов являются более спорными. В широком понимании контекст – это факторы, которые сопровождают дискурсы (устные или письменные), например, социальные, политические, институционные.

Языковая личность в дискурс-исследованиях применяемых ею жанров может изучаться также с позиции ее взаимодействия с другими личностями, то есть как компонент фрейма речевого общения. При таком подходе внимание исследователя обращено также на динамический аспект дискурса, его изменчивость, а также единство субъектов коммуникации. В таком случае употребляется понятие кортеж как дискурсная общность [10, с. 19]. Это группа коммуникантов, вовлеченных во фрейм определенного речевого акта непосредственно (устное общение) или опосредованно (письменное общение) в их взаимодействии (межличностное взаимодействие); оригинальная, открытая изменениям субъектно-ориентированная деятельность; отражение такой деятельности в стиле общения; компонент содержательного ядра текста [8, с. 42; 9, с. 28]. Кортеж – это также и отраженное в текстах социальное взаимодействие коммуникантов [10, с.19], и отражение единства субъектов коммуникации адресантом и/или адресатом [11, с. 39].

Многоаспектный подход к моделированию семантического ядра плана содержания текстов предполагает также употребление термина «знаковый кортеж» – «исторически зафиксированная в языковой системе и подчиненная определенным законам структурирования содержательная форма (для текста это жанрово-композиционный тип), функционирующая в речевой практике (т.е. линейно выраженная) и, следовательно, обладающая своей значимостью для коммуникантов (место в иерархии их социальной деятельности)» [11, с. 39].

Проявлениями кортежного содержания, которое характеризует особенности взаимодействия «адресант – адресат», являются жанр и формат

[11, с. 115]. При этом формат несет в себе социальную, а жанр – индивидуальную характеристику кортежа. И жанр, и формат обуславливают содержательные характеристики дискурса

Жанровая и регистровая теория в аспекте исследования языковой личности в публичном дискурсе. Применение жанровой и регистровой теории при *дискурс-исследованиях* публичной языковой личности обуславливает возникновение ряда дискуссионных вопросов. Такие вопросы можно условно разделить на несколько групп:

1. Выбор определенной концепции исследования речевых жанров (принимая во внимание сложность объекта, исследователь может применять несколько из вышеперечисленных концепций).

2. Определение перечня речевых жанров конкретной языковой личности.

3. Вопросы, связанные со структурно-функциональными характеристиками анализируемых жанров.

Перечень названных выше вопросов является неполным и может быть расширен в результате получения новых данных относительно функционирования языковой личности в публичном дискурсе.

Первая группа вопросов предполагает выбор исследователем соответствующей концепции в теории речевых жанров, подхода к их классификации, выбор культурологического или лингвистического принципа анализа или возможностей их взаимного дополнения.

Отдельным аспектом является проблема дополнения жанровой теории регистровой, определение отличий между жанрами и регистрами, применение в исследовании разных подходов относительно контекстуальных теорий (в частности, социально-семиотического или социокогнитивного).

Вторая группа вопросов связана с тем, как языковая личность использует в публичном дискурсе определенный перечень жанров, которые обусловлены ее сознательной деятельностью (прежде всего профессией, идеологическими установками и убеждениями, уровнем образования). Выбор того или иного жанра отображает и социальные мотивы языковой личности. Действуя и адаптируя мотивы, отображаемые через определенный жанр, личность моделирует соответствующую ситуацию и создает возможности для регулярного использования этого жанра и отображения в нем той или иной идеологии [14, с. 83].

Реализуясь в том или ином жанре, личность «узнает» и конструирует ситуацию определенным образом (например, в соответствии с идеологией, убеждениями) и «обозначает» себя как субъект с теми или иными мотивами, вовлеченный в социально узнаваемые действия.

Определенные жанры регулярно используются в речевой деятельности публичных языковых личностей, но их перечень и содержание для каждой языковой личности является индивидуальным. Сравним, например, поздравления с Новым 2017 годом на Facebook-странице премьер-

министра Великобритании Терезы Мей и поздравления министра иностранных дел Великобритании Бориса Джонсона.

Тереза Мей : *Let me wish you and your family a peaceful, prosperous and happy New Year* (1.01.2017, 0:08);

Позвольте мне пожелать Вам и Вашим семье мира, процветания и счастья в Новом году

Борис Джонсон: *Have a great Christmas and happy 2017 folks* (23.12.2016, р. 14:35).

Прекрасного Рождества и счастливого 2017, народ (Пер. С. Куранова)

Поздравление Терезы Мей является традиционным и соответствует ее социальной роли, а также представлениям аудитории о стандартах такого рода текста. Поздравление Бориса Джонсона позиционирует его в первую очередь не как официальное лицо, а как личность. Ожидается, что его страница интересна аудитории вне зависимости от занимаемой им должности, и его читатели, в свою очередь, не менее интересны ему. Так, выбор обращения *folks* свидетельствует о дружественном образе аудитории.

Современные политики имеют и достаточно активно «ведут» страницы в социальных сетях (в частности, наиболее популярными являются Facebook и Twitter), другие публичные личности могут иметь определенные предпочтения относительно той или иной социальной сети и в большей или меньшей степени «присутствовать» в этой сети. Например, некоторые публичные личности (в частности, актеры, звезды реалити-шоу и т.д.) оказывают предпочтение социальной сети Instagram, которая ориентирована в первую очередь на обмен фотографиями, а собственно вербальное наполнение для нее вторично.

Многие публичные личности, которые зарегистрированы и в Facebook, и в Twitter, «дублируют» «посты», как, например, украинская писательница Оксана Забужко, записи которой в Twitter содержат ключевую пропозицию записи в Facebook, более подробной и часто достаточно большой по объему.

Историческая тенденция развития процесса коммуникации предполагает специализацию и расширение жанров дискурса как один из способов совершенствования канала связи. В этих условиях наблюдается тенденция к увеличению количества используемых публичной языковой личностью жанров.

Кроме увеличения самого количества жанров популярность социальных сетей обуславливает появление «масок» пользователей, создающих вторичные дискурсы (через переходные между первичными и вторичными жанры). В частности, в качестве пользователя может быть зарегистрирован выдуманный персонаж. Например, популярным в украинском сегменте Facebook является пользователь Свирид Опанасович (в январе 2017 года за ним «следили» 67439 пользователей), который регулярно делает юмори-

стические и сатирические обзоры международной и внутренней украинской политики.

В Twitter зарегистрирован пользователь Larry the Cat (@Number10cat). В январе 2017 г. у него было 102 тысячи читателей. Данные о нем сформулированы таким образом:

The Chief Mouser to the Cabinet Office. I'm an 11 year old tabby, in position longer of any of the main UK political parties. Unofficial. Главный мышелов Кабинета Министров. Я одиннадцатилетний полосатый кот, на должности дольше, чем любая из основных партий Соединенного Королевства. Неофициально (Пер. С. Куранова).

«Кот Ларри» (Larry the Cat) публикует твиты почти ежедневно: это преимущественно иронические высказывания в основном на политические, в меньшей мере – на актуальные социально-бытовые, темы. Например, 31 декабря 2016 г. опубликован твит:

This time last year: Dave was my butler. Donald was a TV clown. Brexit wasn't a word and Palmerston was called Barry. Roll on 2017. В это время в прошлом году: Дейв был моим дворецким, Дональд был ТВ-клоуном. Не было слова Брэкзит и Палмерстона звали Барри. Вкатываемся в 2017 (Пер. С. Куранова).

22 декабря 2016 г. опубликован ответ на твит Дональда Трампа:

We must all smoke many more cigarettes until such time as the world comes to its senses regarding lung cancer. Donald J. Trump @realDonaldTrump

The United States must greatly strengthen and expand its nuclear capability until such time as the world comes to its senses regarding nukes.

Мы все должны курить намного больше сигарет до того времени, пока мир не придет к пониманию относительно рака легких. Donald J. Trump @realDonaldTrump

Соединенные Штаты должны существенно усилить и расширить свои ядерные возможности до того времени, пока мир не придет к пониманию относительно ядерного оружия (Пер. С. Куранова).

Третья группа вопросов связана с анализом исследуемых жанров по структурно-функциональным признакам. В частности, А. Гидденс утверждает, что жанры как структуры реализуются на концептуальном и практическом уровнях. На концептуальном уровне они существуют как изменчивые правила и источники для конструирования ситуации определенным образом для оценки того, что узнаваемо, возможно и желаемо в данной си-

туации. Таким образом, соответствующие структуры делают доступными социальные мотивы, оформленные определенной идеологией или теорией, отражающей то или иное мировоззрение, или отображают статус, достижения. На практическом уровне такие структуры выражаются через интенциональные, социально узнаваемые акты. Участники коммуникации социальные мотивы представляют как внутренние и реализуют их на личностном уровне как интенции, действуют в соответствии с этими интенциями на уровне узнаваемой социальной практики и воспроизводят эти структуры (и, следовательно, идеологии, мотивы, ситуации) даже если они меняют эти структуры в соответствии с обстоятельствами [18, с. 83].

В первую очередь необходимо определить функциональное назначение текстов публичных языковых личностей и определить структурно-прагматические и семантические особенности организации таких текстов. Эти вопросы связаны с функционированием дискурсивных категорий, в частности «когезия», «когерентность» и членение. Применение категории связности является актуальным при исследованиях публичного дискурса. Связность как тестовая категория реализуется в двух подтипах – когезии и когерентности. Когезия – это формальная, последовательная связность, внешняя неделимость, а когерентность – это концептуальная, то есть смысловая связность. Р. де Богранд определял когезию и когерентность как параметры, которые обеспечивают существование текста как функциональной единицы [13, с. 29].

С точки зрения Т. ван Дейка существует два основных модуса дискурса – разговор и текст (устный или письменный). В частности разговор – это ежедневные беседы, диалоги, парламентские дебаты и т.д. Письменный текст – репортажи, статьи, объявления и т.п. Характеристики устного или письменного дискурса, по мнению Т. ван Дейка, могут рассматриваться как критерии для создания типологии дискурсов: они определяют классы, жанры, типы дискурсов [15, с. 3]. Мы разделяем взгляд П. Зернецкого на речевую деятельность и дискурс как на сущность и явление [5, с. 17]. Речевая деятельность – это континуум речевой активности бесконечного множества конкретных языковых личностей. Дискурс конкретной языковой личности в этом случае является точкой или одним из совокупности пространств континуума речевой деятельности. Мы согласны с определением дискурса как центральной интегративной единицей речевой деятельности, находящей отражение в своем информационном следе – устном/письменном тексте [5, с. 17]. При таком подходе коммуникативно-функциональное описание дискурса предполагает рассмотрение взаимодействия синтаксических, семантических и прагматических особенностей текста и его компонентов в ракурсе речедетельностного подхода к языку.

Исследователи дискурса определяют когезию как формально-грамматическую связность, которая определяется разными типами языко-

вых отношений между предложениями, составляющими текст, или высказываниями в дискурсе [6, с. 195]. Когерентность шире когезии, она охватывает не только формально-грамматические аспекты связи высказываний, но и семантико-прагматические (тематические и функциональные в том числе) аспекты смысловой и деятельностной связности дискурса, как локальной, так и глобальной [6, с. 195]. Глобальная когеренция дискурса – это отношения каждого конкретного высказывания к общему плану коммуникации: обмен высказываниями, обусловленный стратегиями, планами, сценариями, когнитивными схемами, которые содержатся в сознании участников общения.

Цели коммуникантов могут быть связаны с процессами порождения речи и структурой дискурса (например, предоставлением необходимой фоновой информации, иллюстрацией тезиса, выбором аргументов). Такие цели являются собственно текстовыми. Обычно, чем ближе автор подходит в развернутых рассуждениях, монологах, предварительно подготовленном общении и письменных текстах к конкретизации идеи, ее детализации, тем более доминируют текстовые цели. Таким образом реализуется локальная когеренция дискурса.

Вокруг глобальной темы дискурса или темы говорящего формируется тематическая когеренция. Тема дискурса реализуется в его семантической макроструктуре, указывая на иерархическую организацию его смысла, и проявляется в макропропозиции (коротком содержании сообщения). Психологическим соответствием глобальной темы дискурса является когнитивная схема, которая определяет планирование, продуцирование, восприятие, понимание дискурса, сохранение полученной информации, ее воспроизведение. С точки зрения М. Макарова, тематическая когеренция проявляется наиболее наглядно в повторении определенных «мотивов», «тем»: ключевых объектов, фактов, когнитивных структур, социальных представлений, которые выражены в дискурсе эксплицитно или имплицитно [6, с. 196–197]. Они являются частью семантической макроструктуры глобальной темы дискурса, которая когнитивно опирается на макропропозицию или вершину модели референтной ситуации.

Когеренция реализуется как на уровне целого дискурса, так и на уровне его составляющих (единиц речевой деятельности – речевого акта, речевого хода, речевого взаимодействия, речевого события). Они выражают определенное логико-семантическое единство и характеризуются смысловой, коммуникативной и структурной завершенностью, а также вводят, развивают и завершают конкретную часть информации. Речевой акт – минимальная самостоятельная единица речевой деятельности. В большинстве случаев речевому акту соответствует минимальная самостоятельная единица речи – простое предложение, которое в теории речевых актов традиционно выделяют как его речевое соответствие. Речевой ход – это тематический блок, которому в речи соответствует завершенная последователь-

ность предложений, в письменном тексте – абзац, а в устной речи – реплика. Речевой ход выполняет функцию относительно начала, продолжения и развития дискурса в целом. Речевое взаимодействие – это стереотипный обмен речевыми ходами. Выделение речевого взаимодействия как структурной единицы является необходимым для исследования диалогического дискурса. Речевые взаимодействия могут быть простыми (например, вопрос – ответ) и комплексными, или сложными (то есть объединять три, четыре и больше реплик; например, вопрос – повторный вопрос – уточнение – ответ). В пределах каждого из речевых взаимодействий происходит чередование речевых ходов, то есть мена коммуникативных ролей, или взятие репликового шага. Способ мены коммуникативных ролей является основным фактором динамической организации дискурса в целом и одним из критериев создания типологии дискурсов. Мена коммуникативных ролей определяется социально-психологическими факторами, различия в ее характере позволяют отличить дружескую беседу от официальных переговоров и т.д., а также определить степень регламентированности коммуникации. Речевое событие – наибольшая единица речевой деятельности. Примерами речевого события могут быть лекция, урок в школе, заседания парламента и т.д. [6, с.174–192; 5, с.18]. Приемы речевой деятельности, как правило, реализуются коммуникантами в пределах речевого акта, тактика – в пределах речевого хода, стратегия – в пределах речевого взаимодействия и/или речевого события.

Непосредственный, динамический аспект функционирования текстов публичных языковых личностей можно описывать в терминах стратегий, тактик и приемов. Кроме того, для определенных жанров открытым остается вопрос относительно степени самостоятельности текстов, в которых они реализуются. В частности, при исследовании социальных сетей (как, например, Facebook и Twitter) важно определиться, считать ли записи в них отдельным текстом или же сверхфразовым единством, то есть лишь частью текстовой единицы высшего уровня. Решение этого вопроса также непосредственно связано с реализацией категории целостности (завершенности) исследуемых тестов. Дискуссионным остается также вопрос относительно жанровой независимости определенных тестов (например, можно ли считать независимыми жанрами записи в таких социальных сетях, как Facebook и Twitter). Определенный жанр в структурном плане способен объединять соответствующие последовательности единиц, функционирующих в его пределах. Такой подход можно назвать структурно-содержательным:

1) структура соответствующего жанра представляет собой последовательность единиц, выделяемых и идентифицируемых на основании их содержательного наполнения (например, приветствие, запрос, изучение, предложение в жанре разговора в торговом центре, или размещение, нача-

до действия, последовательность событий, завершение события, вывод в жанре сказок, которые рассказывают детям);

2) выделенные по содержательному принципу единицы объединяют и интерпретируют в соответствии со структурными конвенциями (обязательность или необязательность соответствующих содержательных элементов, их последовательность, порядок размещения, повторение, элементы окружения, размещенные между другими или в середине иных элементов).

Таким образом, содержательные элементы различаются в зависимости от жанра и обусловлены им, структурные элементы позволяют определить место содержательных элементов в исследуемом тексте, их роль в формировании этого текста как целостной и связной единицы.

Структурно-содержательный подход в дискурс-анализе может применяться при исследовании разных видов жанров, например, нарративных. В частности, результатом таких исследований стала классификация содержательных компонентов нарративных жанров: обзор, ориентировка, усложнение, оценка, вывод, кода [17, с. 241]. Соответствующие содержательные компоненты охарактеризованы в соответствии со структурными конвенциями (в частности, необязательными являются обзор и кода; усложнение и вывод – это элементы порядка расположения, которые сопровождаются такими необязательными элементами окружения, как ориентация и оценка).

В дискурс-анализе регистровая и жанровая теория применяется как функционально-вариативная, предназначенная в первую очередь для исследования отличий между текстами и определения контекстуальных мотиваций таких отличий [17, с. 236].

Относительно контекста это дает возможность предусмотреть те значения, которые являются наименее приемлемыми и языковые средства, наиболее приемлемые для кодирования этих значений (языковой реализации соответствующих значений). С другой стороны, относительно текста это дает возможность сделать вывод о функционировании контекста, в котором создан этот текст, языковых средств, которые используются в тексте и передают параметры контекста. В частности, такой подход позволяет определить те черты, которые непосредственно реализуются в соответствующем тексте, их родовую принадлежность, характеризующую этот текст как след той или иной культуры.

Таким образом, исследователь, который применяет жанровую и регистровую теорию, связывает категории контекста с определенными языковыми схемами. Следовательно, к методикам и приемам тестовой лингвистики добавляется исследование проявлений социального и культурного контекстов, а именно средств их языкового выражения.

Жанровая и регистровая теория предполагает использование *лингвистического и контекстуального анализа и изучение соотношения между контекстом и языком*. Системно-функциональное исследование такого

рода является подробным описанием не только функций и структур определенного языка, но и контекстуальных параметров регистра, воплощенных в семантических и грамматических языковых структурах. Оно может объяснить важность или несущественность тех или иных параметров контекста. Вероятным результатом таких исследований может стать также детальная классификация структур и параметров разных жанров, объяснение связей и соотношений этих жанров, и, далее, определение повторяющихся и функционально мотивированных характеристик жанров, употребляющихся в той или иной культуре.

Дальнейшее использование системного подхода в жанровой и регистровой теории может распространяться также на уровень идеологии, то есть ее отражение в языковых структурах. В частности А. Баварши характеризует жанры как структуры, которые поддерживают, сохраняют идеологический потенциал для действий в форме социальных мотивов и типизированных риторических значений при актуализации этого потенциала в форме социальной практики [12, с. 90]. Жанры являются одновременно идеологическими концептами и материальным воплощением этих концептов, в то же время давая возможность коммуникантам наполнять их индивидуальным содержанием. Идеология связана с социальной позицией, политическими убеждениями, предположениями, которые отражаются в текстах, создаваемых языковой личностью.

Идеологические параметры и их проявления в исследуемых текстах являются функциональными по своим характеристикам в том смысле, что они могут сообщать определенные данные относительно того, кто создает текст, а именно данные как об объективно данной социальной роли говорящего, его профессии, так и про его «видение» собственного задания в социуме – например, просветитель, художник и т.д. Таким образом, идеологические параметры являются составляющей мотивационной (сигматической) координаты речевого влияния.

Заключение. Исследования жанров являются одними из актуальных в лингвистике дискурса. Публичный дискурс – наиболее структурированный в формально-грамматическом, смысловом, содержательном планах – в генетическом аспекте представляет собой динамическую, открытую изменениям структуру. В силу их разнообразия, перечни жанров, само их использование / неиспользование, представляют собой уникальное поле характеристики исследуемой публичной языковой личности. Внутрижанровые и общежанровые характеристики служат также детальному многоаспектному описанию типологии публичных языковых личностей, способов их репрезентации, отношения к окружающему миру и аудитории.

Применение жанровой и регистровой теории в лингвистических исследованиях дискурса, в том числе публичного, позволяет описать общие и отличительные черты такого дискурса, определить соотношения и связи в нем текстовых значений с контекстуальными измерениями. Применение

жанровой и регистровой теории дает возможность связать категории контекста с определенными языковыми схемами. Контекстные параметры могут быть рассмотрены как в аспекте социально-семиотического подхода (тексто- и адресатоцентричного), так и социокогнитивного (адресанто-, авторо-центричного), с учетом многоаспектного взаимодействия адресанта и адресата.

В условиях развития процесса коммуникации наблюдается совершенствование канала связи, результатом чего становится специализация и расширение жанров дискурса. Вследствие этого формируется тенденция к увеличению количества используемых публичной языковой личностью жанров, а также создание вторичных дискурсов через переходные между первичными и вторичными жанры.

Исследование разных видов жанров, применяемых языковой личностью в публичном дискурсе, предполагает применение структурно-содержательного подхода: содержательные элементы обусловлены определенным жанром, а структурные позволяют определить место в этом жанре содержательных элементов.

Вероятным результатом применения жанровой и регистровой теории в исследованиях языковой личности в публичном дискурсе может стать создание типологии языковых личностей, в том числе в сопоставительном аспекте, получение новых данных относительно социальных и когнитивных аспектов дискурса.

Библиографические ссылки

1. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 237–280. (Из истории советской эстетики и теории искусства).
2. Бацевич Ф. Лінгвістична генологія: проблеми і перспективи. Львів: ПАІС, 2005. 264 с.
3. Дементьев В.В. Коммуникативная генеристика: речевые жанры как средство формализации социального взаимодействия // Речевые жанры. Саратов, 2002. Вып. 3.
4. Дементьев В. В., Фенина В. В. Когнитивная генеристика: внутрикультурные речевые ценности // Жанры речи. Саратов, 2005. Вып. 4.
5. Зернецкий П. В. Речевое общение на английском языке (Коммуникативно-функциональный анализ дискурса). Киев: Лыбидь, 1992. 144 с.
6. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 280 с.
7. Плотникова С. Н. Концептуальный стандарт жанра фэнтези // Жанры речи: Жанр и концепт. Саратов, 2005. Вып. 4.
8. Ухванова-Шмыгова И.Ф. Каузально-генетическая модель // Методология исследований политического дискурса: Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов / под общ. ред. И. Ф. Ухвановой-Шмыговой. Минск: Белгосуниверситет, 1998. Вып. 1. С. 38–51.
9. Ухванова-Шмыгова И. Ф. Постмодернистская модель как альтернативная перспектива // Методология исследований политического дискурса: Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов / сост. и общ. ред. И. Ф. Ухвановой-Шмыговой. Минск: БГУ, 2000. Вып. 2. С. 22–29.